

УДК 902(470-321.9)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.316.336>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА (ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)

©2020 г. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев

В 2009-2012 гг. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа совместно с экспедицией Крымского инженерно-педагогического университета были проведены исследования на месте расположения оборонительных сооружений средневекового Солхата. На основе анализа письменных, картографических и археологических источников установлено, что формирование оборонительного пояса происходило в два этапа. Сначала в 1360-х гг. вокруг города были возведены оборонительный ров и вал. В последующем в 80-х гг. XIV в. были построены крепостные стены. Всего за период археологических исследований было раскопаны остатки трех крепостных башен и участки оборонительной стены. Башни и крепостная стена были разобраны в период нового и новейшего времени местным населением на строительные материалы и сохранились лишь фрагментарно на уровне нижних рядов кладок и в виде траншей под фундамент стены. Рядом с башней №2 было обнаружено размыкание крепостной стены и, вероятно, потайная калитка, защищенная башней. Публикуемые материалы расширяют современные представления о фортификации золотоордынского центра Крыма.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, Крым, Солхат, Старый Крым, фортификация.

DEFENSIVE STRUCTURES OF MEDIEVAL SOLKHAT (HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COMMENTARY)

M. G. Kramarovsky, E. I. Seydaliev

In 2009-2012, the Old Crimean archaeological expedition of the State Hermitage, together with the expedition of the Crimean Engineering and Pedagogical University, carried out a study at the site of the fortifications of medieval Solkhat. Based on the analysis of written, cartographic and archaeological sources, it has been established that the formation of the defensive belt took place in two stages. First, in the 1360s, a defensive moat and rampart were erected around the city. Subsequently, in the 1380s, fortress walls were built. The remains of three fortress towers and sections of the defensive wall were excavated during the period of archaeological studies. The towers and fortress wall were dismantled in modern and recent history by the local population for building materials and have only preserved fragmentarily at the level of the lower rows of masonry and in the form of wall foundation trenches. Near tower № 2, the opening of the fortress wall, and, probably, a secret gate protected by the tower were discovered. The published materials expand the current understanding of the fortification of the Golden Horde center of Crimea.

Keywords: archaeology, Ulus of Jochi, Golden Horde, Crimea, Solkhat, Old Crimea, fortification.

Оборонительные сооружения столицы золотоордынского Крыма неоднократно рассматривались в научной литературе (Григорьев, 2003; Крамаровский, 2012; Крамаровский, 2014; Сейдалиев, 2016). Следует отметить, что решение вопросов, связанных с возникновением оборонительного пояса средневекового Солхата, требует комплексного подхода и анализа разного рода исторических источников. В то же время результаты археологических исследований до настоящего времени не введены в научный оборот в полном объеме, авторы исследований рассматривали их относительно кратко (Крамаровский, 2014, Сейдалиев, 2016).

Первый этап строительства оборонительных сооружений связан с 60-ми годами XIV в. О начале сооружения первой линии обороны Солхата-Крыма в виде ровов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Эта запись сделана очевидцем, проживавшем в армянском квартале Солхата «Чхбнис» (Верхний). Им оказался один из сыновей известного в Крыму миниатюриста и каллиграфа Натера из Баберда – писец Степанос из скриптория храма св. Саргиса. Далее приводится перевод извлечения текста 1363 г. по «Каталогу армянских рукописей Британского музея»: «... И в сие же время великое смятение царит от правителей земных, ибо нет царя во главе,

чтобы сотворил мир, по словам Господа: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и вот, роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе» (A Catalogue 1913, p.248)¹. Не останавливаясь подробно на мотивах сооружения вала и рва правителем города и военно-политических событиях этому предшествовавших, отметим, что причиной строительства, вероятно послужило усиление Великого княжества Литовского и поражение крымских ордынских войск в битве под Синими Водами в 1362 г. (Крамаровский, 2012, с. 221). Археологические исследования подтверждают данные письменных источников. Монета хана Джанибека обнаруженная при раскопках на территории вала и рва позволяет также датировать время возведения фортификационных сооружений 60-ми гг. XIV в. Реконструировать первоначальный вид вала и рва достаточно затруднительно, поскольку на его месте в настоящее время располагается виноградник и сооружения в значительной степени распаяны. Максимальная сохранившаяся высота вала от уровня материковой поверхности – 0,7 м. В разрезе он трапециевидной формы. К востоку от вала прослеживается западный край рва, его ширина 9,2 м., ширина дна – 3,1 м. (Майко, 2013, С. 110-116).

Вторая линия обороны, представляющая собой каменные стены, возникает позже и относится к активной политической деятельности беклярибека Мамай в 70-х гг. XIV в. Письменные исторические источники впервые фиксируют стены Солхата лишь в середине XV в., о них пишет Иосиф Барбаро, называя Солхат поселением обнесенным стеной (Барбаро, 1971).

В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби приводит легенду о крепости «Карым-кермен», которая была построена якобы под покровительством «короля Судака» на средства некогда ограбленных купцов. По сведениям турецкого автора длина стен составляла 17 тысяч шагов а сложены

они были из «отесанного и отполированного камня» (Эвлия Челеби, 2008, с.16)]. Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно видеть и сейчас на примере кладок фасада медресе Солхата (нач.2-ой трети XIV в.), выполненных, впрочем, из податливого известняка. В 1832 г. ров и каменную стену с башнями в районе горы Агармыш наблюдал Ф. Дюбуа де Монпере (Дюбуа де Монпере, 2009, с.90). В.Д. Смирнов во время археологической экскурсии в Крым в 1886 году отмечал, что городские стены и сооружения рядом с ними расхищаются на камень и практически не сохранились, хотя еще за два года до этого он видел их остатки над поверхностью земли (Смирнов, 2008, с.504-505). В настоящее время городских стен на современной дневной поверхности нет, но их следы все еще сохранялись в начале XX века. В акте осмотра исторических мест в Старом Крыму от 24. 08. 1926 г. комиссия во главе с архитектором Б.Н. Засыпкиным отметила остатки и следы рва, вала и стены с башнями в местности под горой Таз-Агармыш². Комиссией была проведена археологическая разведка и открыта часть крепостной стены, но подробных описаний и чертежей обнаруженных объектов нам неизвестны (Охрана и изучение ... 2008, с.135).

Фортификационные сооружения присутствуют и в материалах картографических источников XVIII в. В 1783 г. русским военным топографом И. Лютовым (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608) (рис. 5) был составлен план города на котором отмечены стены и ров, на основе этого плана и археологических наблюдений М.Г. Крамаровским была составлена план-схема Солхата XIV-XV в. (рис. 4) Согласно плану И. Лютова периметр стен достигает 6734 м. Эта величина сопоставима с данными Эвлии Челеби, при условии, что шаг информатора составлял около 0,4 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН, Ар. №2201 – 51033) по гребню отрога Малого Агармыша

¹ Русские переводы этой записи см.: Хечумян 1984, с.142 (в извлечениях); Бабаян, 2000, документ №18, с.60; наиболее полно – Саргсян 2004, документ №4, с.152; Свод, 2010, с.152, 153. По Т.Э. Саргсян, инициатива строительства рва и вала принадлежала Алибеку, «...потерпевшему сокрушительное поражение от литовских войск на Синих водах» (Свод, 2010, с.153). В сущности, уровень исторического комментария выводит примечания Т.Э. Саргсян за рамки научного исследования.

² Таз (кр.-татарск.) - лишенный растительности, лысый; сейчас эту гору русское и местное крымскотатарское население называют Малым Агармышем.

прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороны около 8-10 м. (Рис. 2) Междубашенное расстояние составляет от 75 до 100 м., что принципиально не расходится с данными плана военного топографа последней четверти XVIII в. Линия этих стен прослеживается и на съемке по программе “Geoscentre Consulting 2001” (Рис. 3) и на современных съемках в программах Google Earth и Яндекс-карты.

По мнению А. П. Григорьева, стены Солхата-Крыма возведены Мамаем за пять лет, начиная с 1375 г. (Григорьев, 2003, с.28). Точных данных о времени строительства стен, к сожалению нет. Археологические раскопки проведенные на объекте позволяют частично реконструировать некоторые особенности конструкции оборонительной стены города.

В 2009-2012 гг. Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (далее СКАЭГЭ) совместно с Крымским инженерно-педагогическим университетом проводила раскопки на гребне горы Малый Агармыш. Основанием для выбора места исследований послужила упомянутая аэрофотосъемка 1973 г., где прослеживается четкая линия стен и контуры пяти башен со стороны около 10 м. (рис.1А-Б, 2).

Современную дневную поверхность на территории исследований представлял плотный дерн с выходами скальной породы и многочисленными включениями необработанных камней различных размеров. Грунт вне сооружений и значимых субструкций представлял собой каменистую темно-серую почву с вкраплениями древесных угольков и светло-серой супеси, насыщенной известковыми включениями. Рельеф выбранных участков сохранил следы перекопов нового времени и военных сооружений времен Великой Отечественной войны.

Всего на территории крепостной стены было исследовано шесть участков (раскопы 32-37 по общей номенклатуре участков СКАЭГЭ). В связи с большим объемом полученных результатов исследований в публикации будут охарактеризованы наиболее показательные раскопы. Всего на территории отрога Малого Агармыша было исследовано три оборонительных башни и несколько участков крепостной стены примыкающих к этим башням.

Первая башня была локализована в ходе исследований 2009-2010 гг. в раскопе 33. Раскоп был заложен на гребне отрога горы Малый Агармыш. В плане раскоп представ-

ляет собой квадрат 15×15 метров, разбитый в свою очередь, на 9 квадратов 5×5 м. каждый, с бровками между ними шириной 0,5 м. По итогам двухлетних раскопок были обнаружены остатки башни. Под слоем дерна был локализован мощный завал из мелкого и среднего камня, вероятно, образовавшийся в результате разбора крепостной стены и стен башни. В плане завал представляет собой квадрат, повторяющий контур башенных стен (рис. 6, 7). Под этим слоем завала в материковой поверхности вырублена траншея глубиной от 5 до 10 см. и шириной около 1,1 м. Размеры башни составили около 8×8 м. Стены башни примыкают к расположенной южнее крепостной стене. На этом участке стена сохранилась фрагментарно на уровне забутовки цокольной части – кладка из камней среднего размера на глиняном растворе с известью. Удалось проследить траншею под фундамент стены. Она также представляет собой вырубку в материковой поверхности шириной около 1,2-1,3 м. (рис. 8, 9) На участках внутри контура стен башни был также локализована утрамбованная глинобитная поверхность, вероятно, представляющая собой пол внутри башни.

Вторая башня была обнаружена в ходе исследований на раскопе 35 (рис.10), исследовался в ходе двух полевых сезонов в 2010 и 2011 гг. Площадь раскопа составила 225 кв. м., расположен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш, на расстоянии 38 м. к востоку от остатков мавзолея XIV века. Раскоп также в плане представляет собой квадрат 15×15 метров, состоящий из 9 квадратов 5×5 м. каждый, с бровками между ними шириной 0,5 м. Исследование данного участка было предпринято с целью выявления остатков второй башни, которая, согласно аэрофотосъемке 1973 года, находится приблизительно в этом месте. Расстояние от раскопа 33, где были обнаружены остатки башни, до раскопа 35 составляет около 75 метров.

Наиболее интересный материал был обнаружен при проведении работ в квадрате В-3, который был раскопан в двух уровнях напластований. На первом уровне по большей части квадрата обнаружен светлый глинистый грунт, в южной части – серый грунт с камнями. На втором уровне удалось четко локализовать заполнение центральной части траншеи под оборонительную стену, состоящее из желтого глинистого грунта. Полоса этой глины идет из северо-западного угла квадрата к восточному борту. К северу от полосы желтой глины

– линия светлого глинистого грунта с мелкими и средними по размеру камнями, к югу – линия светлого глинистого грунта. Ширина и северной и южной полосы светлого глинистого грунта составляет примерно 0,8-0,85 метра. В свою очередь к полосе светлого глинистого грунта примыкает серая земля с камнем, на которой обнаружены остатки вымостки из окатанных камней, на глиняном растворе, а кое-где (где камни не сохранились *in situ*) даже удалось зафиксировать отпечатки этих камней в глиняном растворе. Вымостка продолжается вплоть до южного борта квадрата. Остатки подобной вымостки были прослежены в стратиграфии западного борта квадрата В-1 раскопа 33 в ходе работ сезона 2009.

Был выбран желтый глинистый грунт из заполнения траншеи, которое в отличие от такой же траншеи в других раскопах (где заполнение представлено забутовкой камня в плотной желтой глине), более рыхлое и мягкое. На дне траншеи, в западной и восточной частях, частично сохранились *in situ* камни среднего и крупного размера, сложенные на глиняном растворе. Возможно, эти камни служили основанием забутовки траншеи. Следует отметить, что центральная часть траншеи под стену, заполненная желтой глиной, в квадрате В-3 данного раскопа, несколько уже чем на других участках, и составляет 0,9-1,0 метр, при этом глубина траншеи составляет около 0,6 метра. Общая же ширина траншеи у подошвы стены примерно 2,5 м., так как в этом случае постели под панцири стены составляют 0,8-0,85 м. каждая. Учитывая хорошую сохранность обнаруженного объекта и четкие границы, было решено зафиксировать исследованный участок и законсервировать в том же виде, для того чтобы расчистить и исследовать его в следующем полевом сезоне на большей площади. В сезоне 2011 года исследования на площади раскопа были завершены. Была раскопана восточная половина квадрата А-1. (Рис.4) с целью выявления следов западной стены башни и ее примыкания к оборонительной стене. От современной дневной поверхности до материка (плотный темно-коричневый стерильный грунт), грунт светло-серый, сыпучий, с большим количеством извести. В материке удалось выявить постель под западную стену башни и ее северо-западный угол. Светлый рыхлый грунт с камнем остался от стен башни (панцирных камней не сохранилось), следы которой сохранились в виде вырубленных в материке

постелей, обозначающих западную, северную и восточную стены башни. Северо-восточный угол перебит окопом, значительно заглубленным в материк. В квадрате Б-1 на глубине 3 штыка от уровня дневной поверхности выявлены остатки оборонительной стены, а именно траншея шириной около 1,2-1,3 м. и часть каменной кладки. Стена в средней части перебита траншеей времен ВОВ (рис. 11). На одном из камней кладки, попавшем в эту траншею оставлена надпись 1943 г.: «17. VIII. 43.» (рис. 12). Каменная кладка была прослежена и в квадрате Б-2. Ширина ее тут также составляет 1,2 м. На одном из камней южной фасировки прорисована греческая буква Σ (рис. 13). В северо-западном углу квадрата зафиксированы остатки известкового пола. Квадрат с северо-востока на юго-запад перебит той же поздней траншеей, которая прослеживается на всех уровнях напластований. На четвертом уровне в этой поздней траншее обнаружена часть винтовки Мосина. В южной части квадрата зачищены остатки вымостки (подсыпка?) из мелких и средних камней и гальки. Вымостка и известковый пол были зафиксированы и убраны. Стена, идущая от западного борта, заканчивается, не доходя до восточной бровки квадрата (рис. 14). Окончание стены впущено в траншею шириной около 1,2 м. продолжающуюся на север. Вероятно это подрубка под восточную стену башни. К югу от стены, под слоем каменной вымостки – темная утрамбованная глина, которая, вероятно, была уложена как основание под вымостку. В юго-западном углу квадрата было локализовано скопление крупных железных гвоздей (костылей). Наличие их может свидетельствовать о существовании тут какой-то деревянной конструкции.

Таким образом, на отрезке оборонительной стены в северо-восточном секторе городища средневекового Солхата на данном участке выявлена часть крепостной стены, с участком размыкания, предназначенным, вероятно, для устройства потайного выхода. Этим же раскопом обнаружены следы крепостной башни со сторонами 5×5 м., фланкирующей «калитку». Башня обнаружена в следах, представляющих собой подрубки в материковой поверхности, известковых завалов от забутовок ее стен, а так же подсыпки и известкового пола во внутренней части башни. В квадрате В-2 и примыкающей к нему прирезке, на глубине 4 штыка, также была обнаружена траншея под стену. В ходе раскопок в прирезке выяс-

нилось, что траншея под фундамент продолжается в южном направлении (рис. 15). В траншее встречаются очень крупные валуны. Сохранился небольшой фрагмент лицевой обкладки, обработанный зубаткой.

Для уточнения ситуации с размыканием крепостной стены необходимо исследовать территорию, примыкающую к раскопу 35.

Третья башня была обнаружена в ходе работ на раскопе 37, который был заложен к западу от раскопа 32 и в 200 м к востоку от стены управления Старокрымского карьера (Рис. 16). Место для раскопа было выбрано в связи с тем, что на поверхности были расположены задернованные завалы бутового камня и контуры башни и стены читались на аэрофотоснимке. Раскоп также представляет собой квадрат размерами 15x15 м, разделенный на 9 квадратов. Стратиграфия участка исследований, как и в других случаях, свидетельствует об активном разрушении оборонительных стен в результате разбора их на камень. В верхних слоях светлый рыхлый грунт с камнем и примесью извести. На глубине второго штыка читаются завалы бутового камня, вероятно, образовавшиеся в результате выемки крупных камней и плит облицовки стен в конце XIX – начале XX вв. Под каменным завалом была локализована траншея под стену. К югу от траншеи была обнаружена вымостка из окатанного камня как и на других раскопах (рис. 17). В результате исследований был локализован участок оборонительной стены средневекового города и крепостная башня, примыкающая к ней. На данном участке оборонительная стена практически не сохранилась, за исключением нескольких, расположенных *in situ*, бутовых камней, впущенных в траншею («постель») под стену. Камни положены на известковый раствор. Ширина «постели» 1,2 м. Стены башни, примыкающие с севера к основной оборонительной стене практически не сохранились, кроме небольшого участка кладки западной стены (рис. 18). Длина сохранившегося участка 4,3 м, высота по восточному панцирю – 0,9 м, ширина стены 1,2 м. Внутренний фас сохранился лучше западного, от которого осталось лишь несколько камней панцирной кладки. Остатки известковой обмазки на внутреннем фасае стены свидетельствует о том, что изнутри башня была оштукатурена (рис. 19). Косвенно подтверждает свидетельство Эвлии Челеби об отесанных камнях, которыми, вероятно, были облицованы

крепостные стены, то что внешний панцирь башни был разобран, в кладке остались лишь необработанные бутовые камни. Отметим вторичное использование в кладке архитектурных деталей от более ранних построек. (рис.20) В остальной части контуры башни можно определить лишь по траншее шириной также 1,2-1,5 м., впущенной в светло-желтый глинистый грунт. Вероятно башня представляла собой квадратную в плане постройку с длиной стены около 8 м. Что отличает ее от башни №2, размеры которой около 5*5 м.

Нашими работами в сезонах 2009–2012 гг. установлены важные подробности. Толщина крепостных стен у основания была не менее 2,5 м. Кладка велась панцирным методом из местного мраморизованого известняка³ на известковом растворе; промежуток заполнялся бутом на растворе. Исходя из шага междубашенного пространства и общей величины периметра, общее число башен, по-видимому, достигало шестидесяти пяти. Размеры башен в большинстве, вероятно составляли 8*8 м., одна из башен, фланкирующая потайную калитку (?) была чуть меньше – размерами 5*5 м.

В кладках панциря крепостных стен использовались крупные блоки с рваными краями. Лицевые поверхности облицовывались квадратами или плитами пиленого привозного песчаника, обработанного зубаткой (отсюда и впечатление Эвлии Челеби о гладких стенах оборонительной стены). Такие плиты обнаружены в закладе одиночной могилы рядом с остатками крепостной стены в раскопе 34 (рис. 21). Способ укладки фундамента на субструкциях, выравнивающих неровности поверхности, отделка стен из мраморизованого известняка более мягкой породой светло-серого песчаника выдает местную строительную традицию. Такая облицовка обычно применялась в Солхате при возведении стен крупных общественных сооружений, например, фасадной стены медресе 1330-х гг. Судя по находкам сколов резных камней, лицевые кладки стен Солхата могли содержать декоративные вставки из того же привозного известняка. Не исключая возможность вторичного использования этих резных камней в кладке

³ Породы мраморовидного Верхне-юрского известняка характерна для Агармышы. Возраст Агармышского месторождения флюсовых известняков 160 млн. лет. Благодарим Н.В. Заколдаева за консультацию

стены, отметим, что декоративные элементы в облицовках крепостных стен использовали сельджуки Анатолии. Вместе с тем, есть серьезные сомнения в том, что оборонительный пояс города, снабженный феноменальным количеством башен – нами вскрыто три – при всем его размахе был способен эффективно противостоять действию камнеметной или даже огнестрельной⁴ артиллерии противника. Во всяком случае, источники ничего не сообщают об осадах Солхата.

Что же лежало в основе решения 1375 г. о строительстве каменного оборонительного пояса? Этот год, как уже отмечалось, начался с захвата Мамаем 18 селений Судакской долины, где уже на протяжении 10 лет хозяйничали генуэзцы, овладевшие в 1365 г. владениями венецианцев в Солдае. По мысли А.П. Григорьева, это послужило толчком к использованию строительных возможностей мастеров-каменотесов из округи Судак для создания полноценного оборонительного пояса Солхата. Гипотеза основана на двух допущениях: а) технологией каменного промысла владело лишь местное население Судакской долины – греки и армяне; б) при возведении стен Солхата использовался судакский строительный камень⁵, доставлявшийся морем за 60 км. в Каффу, и дальше – на грузовых телегах дневным перегоном свыше 20 км. к Солхату (Григорьев, 2003, с. 148, 149). Обе конструкции не имеют опоры ни в местных реалиях (строительного камня в избытке и в Солхате, этноструктура которого мало отличалась от судакской), ни в геологии Восточного Крыма, ни в источниках, сохранивших отдельные черты жизни города. Вместе с тем, следует признать, что отправная дата начала строительства каменного оборонительного пояса, предложенная А.П. Григорьевым, не имеет альтернативы.

Солхатские стены – следствие противостояние Солхата и Каффы. В период строительства было перемещено до 220 000 куб/м скальной породы и грунта (при условии, что стены достигали во высоте 10 м., а башни до 15 м.). Показательно, однако, что осенью 1380 г. после поражения на Куликовом поле их ценность оказалась более чем сомнительной. В поисках убежища Мамай скрылся не за стенами своего города, где возобладала

⁴ Если считать, что орудийный ствол, найденный близ Криничек, принадлежал генуэзцам Ломеллино – см: Вилинбахов, Кирпичников 1958, с.243-252.

⁵ В Судакке добывался пластовый песчаник.

«партия» соперника⁶, а в дружественной, как ему казалось, Каффе. Именно здесь после разгрома Токтамышем (1376/7–1395) на Калке в 1380 г. он и был убит, как считает М. Балар (Balard 1978, р. 458), на одном из городских базаров, вероятно, наемниками Токтамыша при попустительстве городских властей. Таким образом власти Каафы старались заслужить расположение нового золотоордынского хана. Тело Мамай, очевидно, в течении светового дня было выдано общине Солхата для погребения по мусульманскому обряду (Крамаровский 1996, с. 38-41)⁷.

В заключение отметим, что фортификационные сооружения Солхата возникают в период между 1362 и 1380 гг. Они возводятся в два разномасштабных этапа, первый из которых – ров и земляной вал – был задуман и реализован Кутлуг Бугой и относится к 1362–1365 гг., второй – каменные стены – к периоду 1375–1380 гг. и был спланирован и осуществлен Мамаем. Судя по планиметрии, инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, целеполаганием и техническими параметрами. Сооружение вала и рва были своего рода импровизацией, их предназначением было оборонять город от литовской угрозы. Второй комплекс, основанный на системе регулярной фортификации, обладал чертами столичной генерализации, рассчитанной на продолжительное время. В первую очередь каменные стены Солхата были призваны уравновесить оборонительный потенциал Каффы. Эксперимент Мамай, в целом был направлен на сдерживание генуэзской экспансии, но имел и большой политический потенциал, который, увы, оказался не востребован. В короткой перспективе ордынский расчет оправдался: на Куликовом поле (при всей неоднозначности в оценках этого сражения) генуэзцы, оплаченные золотом из личной сокровищницы беклярибека, перелитым в фальшивые

⁶ Судя по возвращению администрацией Токтамыша Кутлуг Буги на должность правителя Солхата в 1381 г., последний был причастен к заговору против Мамай.

⁷ И.В. Тункина приводит запись П.И.Кеппена, хранящуюся в Архиве РАН (СПФ АРАН. Ф.30. Оп.1.Д.344. Л.160) о месте нахождения могилы Мамай (кургана Мамай) между Старым Крымом и Феодосией (Тункина 2011, с.60). Этот топоним П.И.Кеппен включил в свой знаменитый список известнейших курганов России (Кеппен 1837, с.18). Благодарю И.В. Тункину за указание на свидетельство П.И.Кеппена.

динары (о поддельных динарах - см: 24, с. 116; 5, с. 108-120), оказались на стороне Мамая.

При этом, если наши расчеты объемов строительных работ верны, есть все основания полагать, что строительство стен подорвало экономику города и всего Крыма, находящегося в затяжном финансовом кризисе из-за сужения налоговой базы. Настолько, что после поражения в сентябре 1379, или, как принято считать, 1380 г. средств на отпор войскам Тохтамыша уже не хватило. Сказалась и пятилетняя трудовая повинность, переломившая настроение горожан в пользу противников Мамая. По самым грубым подсчетам в строительстве стен приняло участие около двух тысяч трудоспособных мужчин, что составило 28,5% горожан (вспомним о 2000-х ополченцев Кутлуг Буги в эпизоде 1365 г.). К ним, вероятно, следовало бы добавить какое-то количество сельчан из окружающих деревень. Решающая угроза – тимуровская, в лице тукайтимурида Тохтамыша (уб. 1406), хана Синей Орды (1379–1381), после – объединенной Золотой Орды (1381–1395, 1398),

не могла подкрасться совсем уж неожиданно. Скорее всего, окончательное мамаевское поражение было связано не только с тактическими или воинскими просчетами беклярбека, но и общей усталостью населения Солхата и всего полуострова от его непомерной активности. К 1381 г. Мамаем в Крыму был исчерпан человеческий ресурс. Необходимо учесть и неблагоприятный внутривосточный фон: от Мамая отвернулись кыятские беки, вынужденные подчиниться найманам во главе с Кутлуг Бугой и, в дальнейшем, его (Кутлуг Буги) сыновьям (но уже под патронажем Тохтамыша). Городские стены, усиленные 65 (?) башнями, что, безусловно, феноменально с точки зрения оборонительного комплекса в Крыму и всей Золотой Орде, здесь уже помочь не могли. Таким образом, археология дает весомый аргумент, свидетельствующий о том, что грандиозная строительная программа Мамая в Солхате, оптимистически рассчитанная на десятилетия вперед, лишь усугубила положение темника, приведя его к полной катастрофе.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаян Ф.С., Корхмазян Э.М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван, 2000. 83 с.

Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.

Григорьев А.П. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 4 (№26). С. 22–29.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие в Крым. Т. 5–6 / Пер. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Кеппен П.И. Список известнейшим курганам России. СПб., 1837. 35 с.

Крамаровский М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Науч. ред. А.Ю. Алексеев, А.М. Бутягин. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2014. С. 138–153.

Крамаровский М.Г. Погребение беклярбека Мамая (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 38–41.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.

Майко В.В., Куликов А.В., Бейлин Д.В. Земляные фортификационные сооружения средневекового Солхата // Таврические студии. Исторические науки. 2013. №1(4). С. 110–116.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Автор-сост. А.В. Хливнюк. Под ред. профессора А.А. Непомнящего. Симферополь, 2008. 240 с.

Саргсян Т.Э. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности армян // Историческое наследие Крыма. 2004. №8. С. 148–157.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. 312 с.

Сейдалиев Э. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 264–287.

Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А.А. Подвижки крымоведения. Т.2: Taugica Orientalia / Биобиблиография крымоведения. Вып. 12. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. С. 499–528.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1871. К.: Болеро, 2011. 237 с.

Хечумян В. Книга книг, М.: Сов. писатель, 1984. 416 с.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «ДОЛЯ», 2008, 272 с.

A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum / Ed. by Conybeare, Frederick C. London: British Museum, 1913.

Balard M. La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle) II. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria, 1987. 1007 p.

Информация об авторах:

Крамаровский Марк Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); solkhat@hermitage.ru

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); старший научный сотрудник, Крымский научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); codexcummanicus@gmail.com

REFERENCES

Babayan, F. S., Korkhmazyan, E. M. 2000. *Armianskie monastyri Surb Khach i sviatogo Stepanoca bliz goroda Staryi Krym (Surp Khach and Saint Stepanos Armenian monasteries near the city of Staryi Krym)*. Erevan (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grigor’ev, A. P. 2003. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seria 2 (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series 2)* 4(26). 201–213 (in Russian).

Dyubua de Monpere Frederik 2009. In Fadeeva, T. M. (transl.). *Puteshestvie v Krym. (Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les Abkhases, en Georgie, en Armenie et En Crimee)* 5–6. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. *Spisok izvestneishm kurganam Rossii (List of the most renowned mounds of Russia)*. Saint Petersburg (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1996. In *Ermitazhnye chteniia pamiati B. B. Piotrovskogo. (Hermitage Readings in Memory of B. Piotrovsky)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 38–41 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoii ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia, Italiia (Man from medieval streets. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg: “Evraziia” Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2014. In Alekseev, A. Yu., Butyagin, A. M. (eds.). *Arkheologiya. Ekspeditsii v Ermitazhe (Expeditions. Archeology in the Hermitage)*. Saint Petersburg: “Slaviia” Publ., 138–153 (in Russian).

Maiko, V. V., Kulikov, A. V., Beilin, D. V. 2013. In *Tavrisheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies. Historical Sciences)* 4(1), 110–116 (in Russian).

Khlivnyuk, A. V. (comp.). 2008. *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kultury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty (Protection and study of historical and cultural monuments in the Crimean ASSR: studies and documents)*. Simferopol (in Russian).

Sargsian, T. E. 2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The Historical Heritage of Crimea)* 8, 148–157 (in Russian).

Sargsian, T. E. (comp.) 2010. *Svod armianskikh pamiatnykh zapisei, otnosiashchikhsia k Krymu i sopredel’nyim regionam (XIV – XV vv.) (Collection of Armenian memorial records related to Crimea and the neighboring regions (14th–15th cc.)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Seidaliev, E. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 264–287 (in Russian).

Smirnov, V. D. 2008. In Nepomniashchy, A. A. *Podvizhniki krymovedeniia. Taurica Orientalia (Enthusiasts of Crimean studies. Taurica Orientalia)* 2. Series: Biobibliografiia krymovedeniia (Biobibliography of Crimean Studies) 12. Simferopol, 499–528 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2011. *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei 1771-1871 (Discovery of Feodosia. Pages of the archaeological study of the South-Eastern Crimea and the initial historical stages of the Feodosia Museum of Antiquities. 1771-1871)*. Kiev: "Bilero" Publ. (in Russian).

Khechumian, V. 1984. *Kniga knig (The Book of Books)*. Moscow: "Sovetskii pisatel" Publ. (in Russian).

Evliia Chelebi. 2008. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nyia oblasti (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka (Book of Travel. Crimea and the neighboring regions (Extracts from the work by a 17th century Turkish traveler))*. Simferopol: "Dolia" Publ. (in Russian).

Conybeare, Frederick C. (ed.). 1913. *A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum*. London: British Museum.

Balard M. 1987. *La Romanie Génoise (XIII e–début du XV e siècle) II*. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.

About the Authors:

Kramarovsky Mark G. Doctor of Historical Sciences, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Naberezhnaya Str. 34 Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; solkhat@hermitage.ru

Seydaliev Emil I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the chair of history, Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny pereulok Str. 6, Simferopol, 295015, Russian Federation; Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, the Republic of Crimea, Russian Federation; Senior Researcher of the Crimean Scientific Center, Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Baturina Str., 7a, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; codexcummanicus@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Рис. 1. А – Схема расположения раскопов на карте с ресурса Google Earth относительно г. Старый Крым; Б – Схема расположения раскопов на гребне отрога горы Малый Агармыш.
Fig. 1. A - Layout of excavations on a map from Google Earth relative to the city of Staryi Krym; Б - Layout of excavations on the ridge of the Maly Agarmysh mountain spur.

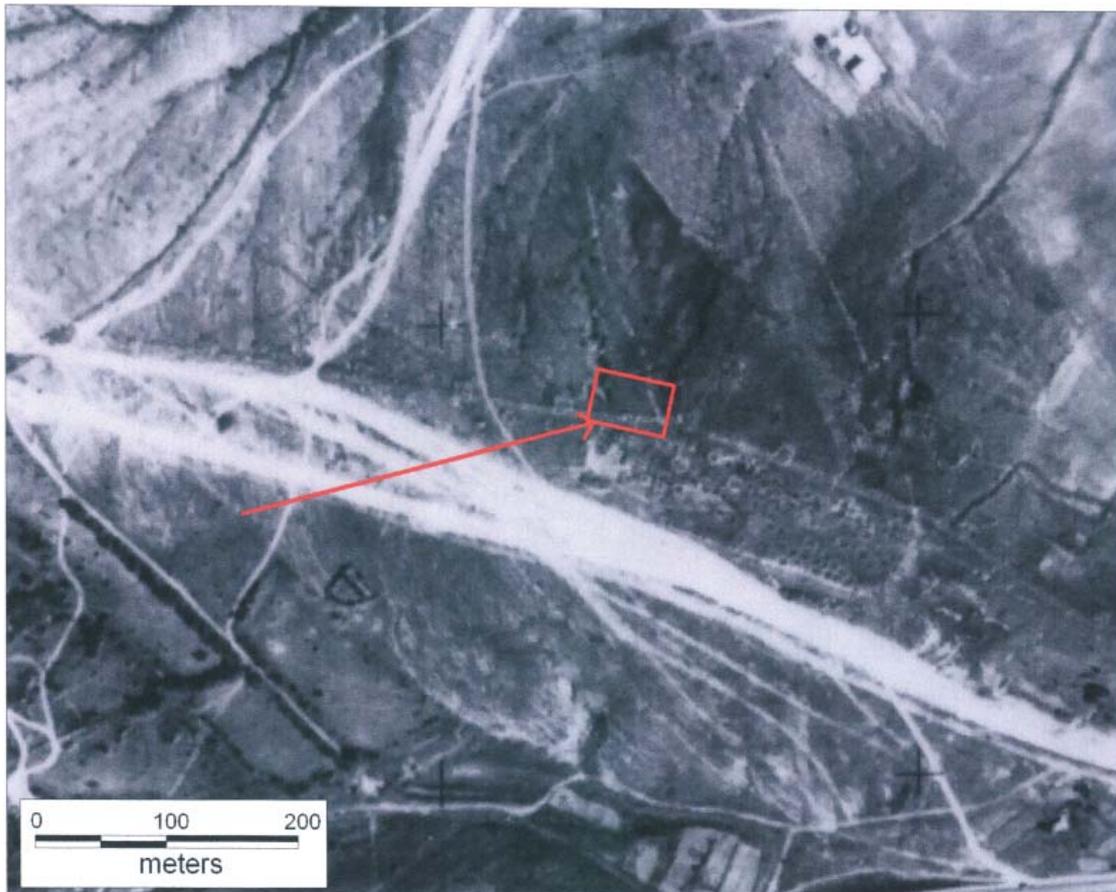

Рис. 2. Линия стены на аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН).
Fig. 2. Wall line on an aerial photo of 1973. (Archive of the IA of the RAS).

Рис. 3. Линия стены на съемке по программе «Geocentre Consulting 2011»
Fig. 3. Wall line on a photo in the Geocentre Consulting 2011 program.

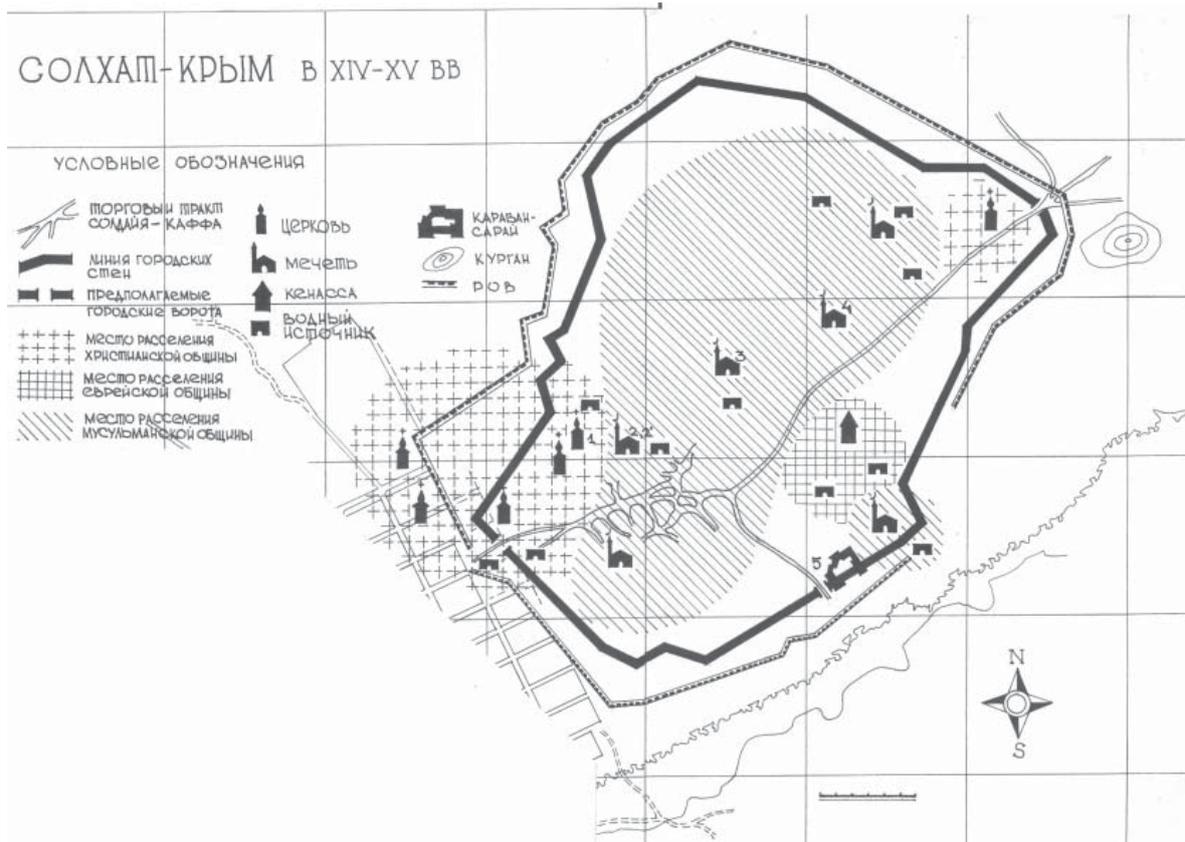

Рис. 4. План-схема Солхата в XIV-XV вв. (по М.Г. Крамаровскому)
Fig. 4. Plan of Solkhat in the 14th-15th cc. (after M.G. Kramarovsky).

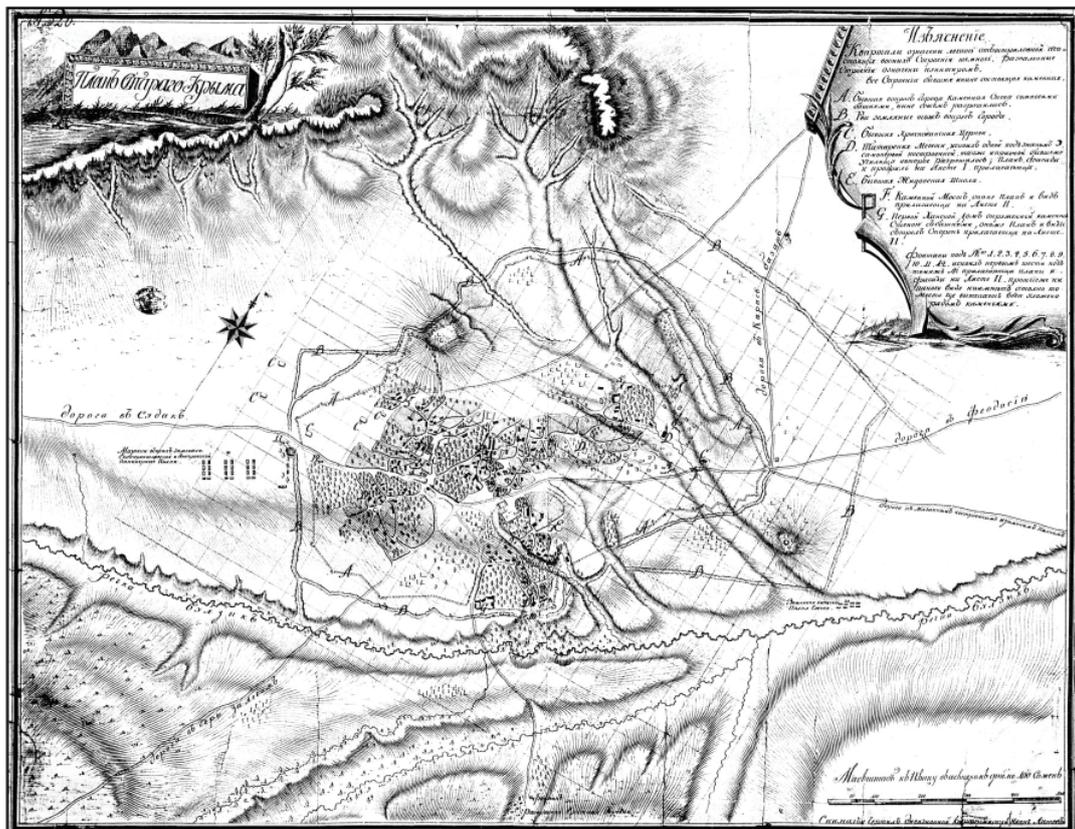

Рис. 5. План-схема г. Старый Крым работы И. Лютого (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608).
Fig. 5. Plan of Staryi Krym by I. Lyutyi (Central State Military and Historical Archive, f. VUA, d. 22608).

Рис. 7. Раскоп 33. Общий вид на каменный завал по контуру башни.
Fig. 7. Excavation 33. General view of the stone filling along the contour of the tower

Рис.8. Раскоп 33. Общий вид на траншею крепостной стены и примыкающую с севера башню в квадрата В-1.
Fig. 8. Excavation 33. General view of the fortress wall trench and an adjoining tower on the north in the B-1 square.

Рис. 9. Раскоп 33. Общий вид на остатки кладки крепостной стены в квадрате В-2.
Fig. 9. Excavation 33. General view of the remains of fortress wall masonry in the B-2 square.

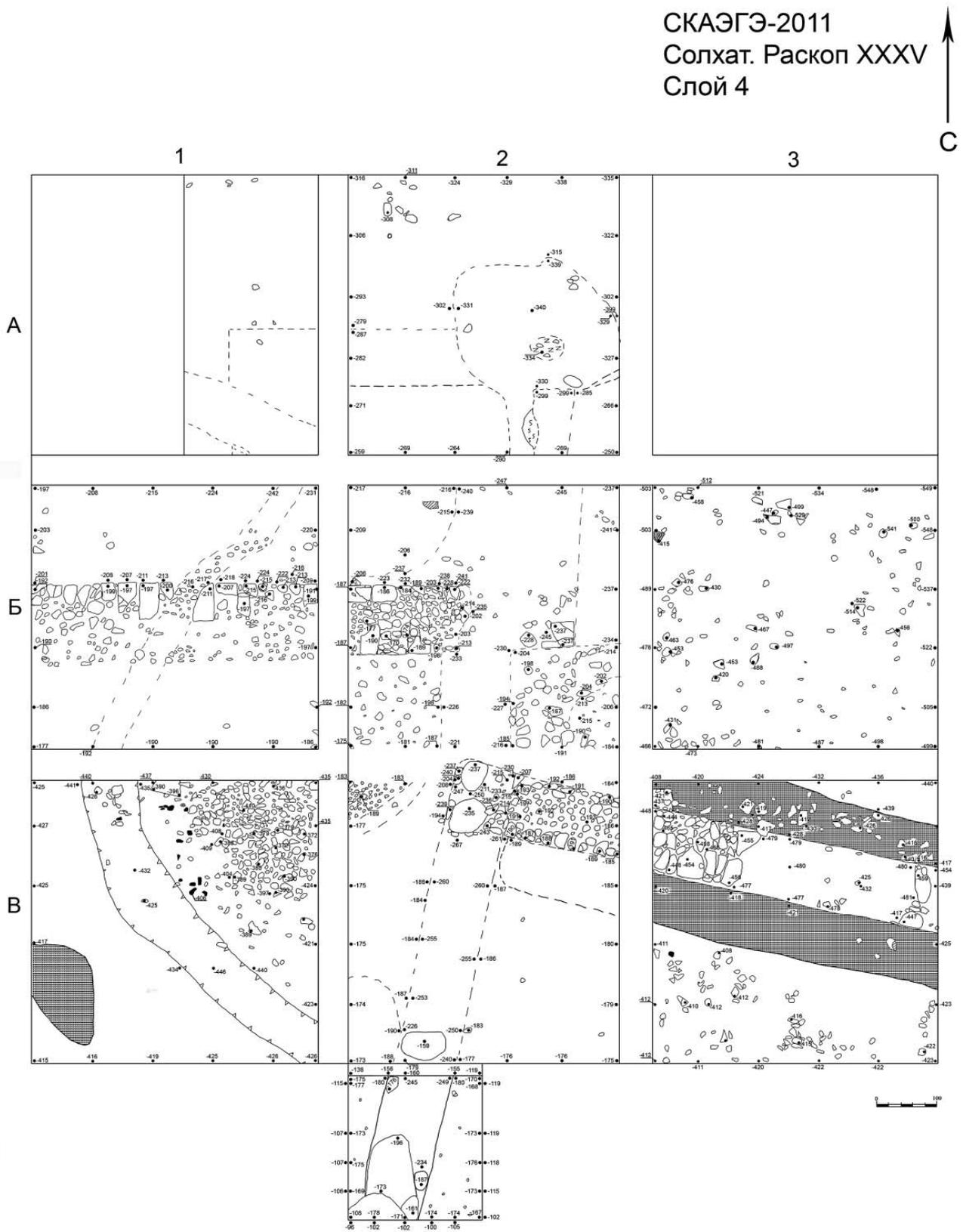

Рис. 10. Общий план раскопа 35.
Fig. 10. General plan of excavation 35.

Рис.11. Раскоп 35. Общий вид на часть крепостной стены разрушенной траншеей (?) времен Великой Отечественной войны.
Fig. 11. Excavation 35. General view of a portion of the fortress wall destroyed by a trench (?) in the period of the Great Patriotic War.

Рис. 12. Раскоп 35. Раскоп №5. Граффити времен ВОВ на камне кладки крепостной стены
Fig. 12. Excavation 35. Excavation No. 5. Graffiti of the Great Patriotic War period on a masonry stone of the fortress wall.

Рис. 13. Раскоп 35. Граффити в виде греческой буквы Σ на камнях южного фаса кладки крепостной стены.
Fig. 13. Excavation 35. Graffiti in the form of the Greek letter Σ on the stones of the southern face of fortress wall masonry.

Рис. 14. Раскоп 35. Общий вид с запада на участок размыкания крепостной стены.
Fig. 14. Excavation 35. General view from the west to the opening section of the fortress wall.

Рис. 15. Раскоп 35. Общий вид с юга на участок размыкания крепостной стены.
Fig. 15. Excavation 35. General view from the south to the opening section of the fortress wall.

Рис. 16. Раскоп 37. Общий вид на траншею крепостной стены и башни.
Fig. 16. Excavation 37. General view of the fortress wall and tower trench.

Рис. 17. Раскоп 37. Общий вид на траншею крепостной стены и вымостку к югу от стены.
Fig. 17. Excavation 37. General view of the fortress wall trench and pavement south of the wall.

Рис. 18. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Общий вид.
Fig. 18. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. General view.

Рис. 19. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Внутренний фас со следами обмазки.

Fig. 19. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. Inner face with traces of coating.

Рис. 20. Раскоп 37. Западная стена башни №3. Вторично использованные фрагменты архитектурных деталей.

Fig. 20. Excavation 37. Western wall of tower No. 3. Reused fragments of architectural elements.

Рис. 21. Раскоп 34. Обработанные известняковые плиты крепостной стены вторично использованные в закладе могилы.

Fig. 21. Excavation 34. Treated limestone slabs of the fortress wall reused in the grave foundation.